

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ С С С Р

А. Н. РОГАЧЕВ

ПОГРЕБЕНИЕ ДРЕВНЕКАМЕННОГО ВЕКА НА СТОЯНКЕ КОСТЕНКИ XIV (МАРКИНА ГОРА)

Костенковско-Боршевский район палеолитических местонахождений, расположенный на восточной окраине Средне-Русской возвышенности, на правом берегу Дона, в 40 км к югу от Воронежа, приобретает все большее и большее значение в изучении истории материальной культуры древнейшего населения нашей страны. На материалах, собранных в Костенках, был произведен первый опыт определения относительной древности верхнепалеолитических стоянок Русской равнины; последующая разработка этого вопроса осуществлялась в значительной мере на основании изучения многочисленных стоянок этого района¹. Известна также выдающаяся роль материалов, собранных в Костенках, в постановке и разрешении вопросов о палеолитических жилищах и о значении образа женщины в искусстве верхнего палеолита. Советские археологи, и прежде всего П. П. Ефименко, являющийся пионером в постановке этих вопросов, исходили в разрешении их в значительной мере из фактов, установленных в Костенках².

Археологические раскопки последних лет значительно дополнили собранные ранее материалы и позволяют глубже осветить эти важные проблемы. Изучение большого числа многослойных палеолитических стоянок не только уточняет представление об относительной древности их ранее известных верхних культурных слоев, но и позволяет сделать вывод о своеобразном пути развития верхнепалеолитической культуры на территории Русской равнины. Значительно расширившиеся работы по изучению поселений верхнепалеолитического времени в Костенках, обилие памятников этого времени, их многослойность и ряд других важных обстоятельств позволили установить наряду с хронологическими этнографические особенности верхнепалеолитической культуры и тем самым прощупать пути для постановки вопросов о конкретно-историческом освещении истории материальной культуры в этот период для центрального района Русской равнины³. Для такой более широкой постановки этих

¹ П. П. Ефименко, Некоторые итоги изучения палеолита СССР, Журн. «Человек», 1928, № 1, стр. 48—57; его же, Первобытное общество, 3-е изд., Киев, 1953, стр. 314—319.

² П. П. Ефименко, Значение женщины в ориньякскую эпоху, Изв. Гос. академии истории материальной культуры, т. XI, вып. 3—4, 1931; его же, Первобытное общество, стр. 384 и др.

³ А. Н. Рогачев, Новые данные о стратиграфии верхнего палеолита Восточной Европы, МИА, вып. 39, 1953; его же, Исследование остатков первобытно-общинного поселения верхнепалеолитического времени у с. Авдеево на р. Сейм, там же.

вопросов мы до сих пор не имели важных исторических источников, какими являются антропологический материал и обряды погребения. Однако теперь можно сказать, что начал заполняться этот существенный пробел в наших знаниях верхнепалеолитической культуры Русской равнины. В 1952—1954 гг. в окрестностях Костенок были найдены четыре погребения верхнепалеолитического времени. Благодаря этому еще больше возросло значение Костенковско-Боршевского района палеолитических местонахождений — этой жемчужины русского палеолита — в изучении истории материальной культуры нашей страны и вообще в изучении палеолита.

Костенковские погребения остаются еще малоизвестными, поэтому необходимо дать о них хотя бы краткую фактическую справку.

Первое погребение в Костенках было изучено в 1952 г. на Городцовской стоянке (Костенки XV)⁴, находящейся рядом с Тельманской стоянкой на другом склоне этого же овражного мыса, в устьевой части Алесандровского лога, в 3 км южнее Покровского лога. На Городцовской стоянке ребенок 4—5 лет был погребен внутри жилища, в широкой овальной могиле, вырытой в полу. Размер могилы 1,24 на 0,80 м, глубина от пола или об основании культурного слоя 0,43 м. В длину могила вытянута с севера на юг. Принадлежность могилы к плохо сохранившимся остаткам небольшого, повидимому, круглого наземного жилища подтверждается многими обстоятельствами, и в частности полным тождеством кремневого и костяного сопровождающего покойника погребального инвентаря с инвентарем, найденным при изучении покрывающего погребение культурного слоя.

Исключительный интерес представляет точно установленный и, насколько нам известно, единственный для столь древнего времени обряд погребения покойника в сидячем сильно скорченном положении. При этом, надо полагать, могила не была непосредственно засыпана землей, а имела земляное перекрытие и представляла собой своего рода примитивный склеп. К такому выводу мы пришли на основании анализа устройства и заполнения могилы, своеобразного положения костей скелета расположения сопровождающего погребального инвентаря.

Не имея возможности в краткой статье изложить многие детали, подтверждающие этот вывод, остановимся на главном. На дне могилы был обнаружен крупный фрагмент лопатки мамонта, лежавший у ее западного края и перекрывавший непосредственно бедра и голени покойника кучу кремней, лежавшую на дне могилы к северу от правого бедра. У противоположного восточного края могилы на дне была обнаружена куча яркожелтой, повидимому, ергенинской глины, возвышавшаяся на 4—6 см выше плоского, слегка наклонного к северу дна могилы. При вскрытии скопления желтой глины было установлено сложное устройство этого, на наш взгляд, сиденья для покойника. Под желтой глиной на уровне дна могилы здесь залегала более мощная прослойка красной краски, чем на всей остальной площади дна могилы. Ниже, в пределах более узкой круглой ямки, вырытой на дне могилы на глубину 10—11 см, залегала сначала линза желто-зеленоватого сеноманского песка, мощностью 2—3 см, а на дне ямки та же, что и сверху, ярко-желтая глина. На кучке желтой глины лежал крупный костяной нож, вырезанный из стенки трубчатой кости мамонта, с плоским расширяющимся и утончающимся лезвием, с круглой рукояткой и выраженными на ней плечиками, отделяющими лезвие. Средняя часть лезвия истлела.

⁴ В расчистке погребения приняли участие старший научный сотрудник Института этнографии АН СССР В. П. Якимов и В. П. Сорокин. Геологические условия залегания погребения изучались Г. И. Лазуковым и А. А. Величко. Большую помощь экспедиции оказал Воронежский областной музей краеведения и в особенности его сотрудники Д. Д. Леонов и В. А. Афонюшкин.

и превратилась в коричневую труху, четко выделявшуюся на яркожелтой глине.

Столь необычное частичное разрушение этой находки объясняется ее положением в могиле, за спиной покойника в области седалища, т. е. в области наибольшего количества гниющих тканей человека. Тазовая кость и нижний отдел позвоночника человека сгнили полностью, на месте их залегания можно было наблюдать лишь костную труху. Приходится предполагать, что полусгнивший труп ребенка распался в результате провала в могилу наиболее тяжелой части ее перекрытия: фрагмента лопатки мамонта. В результате этого нижняя челюсть упала на дно могилы и оказалась под правым бедром, в положении зубами вниз, череп откатился в северный конец могилы, а остальные кости скелета, не утратившие еще связок, упали в южный конец могилы, при этом все шейные позвонки, в том числе и атлант, лежали в анатомической связи с остальной частью позвоночника. На голове покойника находился головной убор, на котором было прикреплено свыше 150 просверленных зубов песка (клыков, резцов и коренных). Об этом свидетельствует нахождение большой группы их, залегавших в определенном порядке в области темени. Часть этих украшений отвалилась еще при первоначальном положении черепа на коленях, другие же группы просверленных зубов отделились от черепа в процессе его падения и залегали только в северной половине могилы. Справа от сидящего в скорченном положении покойника на дно могилы, повидимому, в мешке, было положено около 70 кремневых отщепов и пластинок, в том числе десятков концевых скребков и проколка. Слева же лежали костяная игла с отломанным ушком и костяное ложило.

Стоянка и погребение датируются ранней, но не самой древней порой верхнего палеолита. Относительная древность Городцовской стоянки определяется временем второго слоя Тельманской стоянки. Со вторым слоем Тельманской стоянки Городцовскую стоянку сближает геологическое положение культурных остатков. Оба эти памятника расположены на одном и том же овражном мысу, в 150—200 м друг от друга. Городцовская и второй слой Тельманской стоянки залегают непосредственно под верхней прослойкой верхней гумусовой толщи, окрашенной в кирпично-красный цвет и имеющей распространение по всей площади этого мыса. На Городцовской и на Тельманской стоянках ниже залегает вторая (нижняя) толща погребенного гумуса; на Тельманской стоянке в этой толще залегает четвертый или нижний верхнепалеолитический культурный слой, не имеющий каких-либо признаков гримальдийского инвентаря. К тому же второй слой, называемый П. П. Ефименко гримальдийским, был отделен от четвертого третьим культурным слоем, залегавшим в основании верхней гумусовой толщи и содержавшим совершенно особый кварцитовый инвентарь и стержневидные наконечники метательных орудий, вырезанные из бивня мамонта. Отнесение Городцовской стоянки к мадленскому времени на основании наличия долотовидных орудий (*outils écaillées*) и костяных игл с просверленным ушком показывает в данном случае весьма убедительно, к каким ошибочным выводам приводит предубежденный взгляд, что форма кремневых орудий и состав инвентаря верхнепалеолитических стоянок сами по себе могут служить основанием для датировки.

Второе погребение в Костенках было изучено в 1953 г.⁵ Оно находилось на высоком левобережном приустьевом мысу Покровского лога на третьей, 35—40-метровой эрозионной террасе Дона, сложенной коренным песком мелового периода. Здесь на месте погребения и рядом с ним

⁵ В расчистке погребения участвовали М. М. Герасимов, С. С. Шутов и члены комиссии, созданной ИИМК АН СССР для рассмотрения спорных вопросов стратиграфии палеолитических стоянок: С. Н. Замятнин, М. Н. Грищенко, В. И. Громов, А. И. Москвитин, В. М. Фридлянд. Кости мамонта были определены на месте И. Г. Пидопличко.

совершенно не было каких-либо признаков палеолитической стоянки. Только в 100 м к югу, на склоне к Покровскому логу, и на таком расстоянии к северу, на склоне к пойме Дона, на поверхности сравнительно часто встречались отдельные верхнепалеолитические кремни.

Скелет ребенка 6—7 лет был обнаружен в могильной яме, вырытой в коренном сеноманском песке на глубине 1 м от поверхности. Могила дважды, и притом с двух сторон, была разрушена впускными ямами, которые сильно повредили заполнение могилы, отчасти повредили и скелет. Кости конечностей по средней части бедра и плечевых были отрулены свыше 50 лет назад при рытье погребка. Скелет лежал на дне могилы на левом боку головой к юго-западу, лицом к северо-западу.

Судя по сохранившимся частям бедер, он имел слегка скорченное положение. Никаких вещей и следов краски в могиле не было. Однако верхнепалеолитический возраст погребения устанавливается вне всякого сомнения из-за перекрытия скелета трубчатыми костями и фрагментами лопаток мамонта, залегающими в три яруса. Общая мощность сильно истлевших костей мамонта, покрывавших скелет, достигала 35 см. Кости мамонта залегают в следующем порядке: над черепом и над грудью лежали два фрагмента лопаток, над ними ряд трубчатых костей, лежащих вдоль скелета, а выше плотный ряд трубчатых костей и фрагментов бивня, залегающих поперек могилы (скелета).

Более точная датировка погребения в пределах эпохи верхнего палеолита затруднена рядом обстоятельств.

В том же 1953 г. на стоянке Костенки II, расположенной в Аносовом логу, открывающемся в долину Дона между Александровским и Покровским логами, был найден скелет старика, залегающий под развалинами удлиненного входа в небольшое круглое жилище⁶. Стенки жилища и вход в него были построены с использованием большого количества трубчатых и плоских костей мамонта. Исследовавший этот памятник П. И. Борисковский полагает, что в данном случае имеет место преднамеренное захоронение, при этом остатки входа в жилище он склонен понимать как специальное ритуальное сооружение — погребальную камеру.

В 1954 г. на палеолитической стоянке Маркина гора (Костенки XIV), открытой П. П. Ефименко в 1928 г., было найдено новое, четвертое, погребение верхнепалеолитического времени в Костенках.

Маркиной горой у местных жителей называется пологий овражный мыс, постепенно поднимающийся к водоразделу. Он образован основным руслом Покровского лога и его древним ответвлением Ермишиным логом. Стоянка находится в 1 км от края поймы Дона на еле заметной площадке этого мыса, поднимающейся на 15—20 м над дном лога и на 30—35 м над летним уровнем Дона. Судя по шурфу П. П. Ефименко, вырытому в восточной части стоянки, и нашим раскопам, поставленным в западной части этой площадки, стоянка занимает площадь около 2 га, при этом в разных местах ее имеются различные культурные напластования, заключенные в 6-метровой толще позднечетвертичных суглинков.

С точки зрения геологического строения Маркина гора представляет собой типичный для района многослойный памятник, где наиболее полно представлено строение второй надпойменной террасы Дона и балок (рис. 1). Под метровой толщей чернозема здесь залегают 2—3-метровая толща лессовидного суглинка, включающая верхний культурный слой. Лессовидный суглинок подстилается мощной верхней толщей погребенного слоистого гумуса в западной части стоянки, разделенной прослойкой мелового галечника. В верхней части верхней гумусовой толщи залегает второй культурный слой, а в основании ее — третий культурный слой. Ниже залегает прослойка суглинка, коричневатого в западной и мергелистого в восточной части стоянки. Местами в ней содержатся про-

⁶ Описание этого погребения см. ниже в статье П. И. Борисковского.

слойки и линзы вулканического пепла. Еще ниже залегает мощная слоистая нижняя гумусовая толща, в восточной части стоянки разделенная прослойкой мергелистого суглинка и содержащая, помимо того, на всей площади, в большом количестве осколки костей лошади и относительно небольшое число расщепленных кремневых пластин, отщепов и некоторое количество кремневых орудий, относящихся, несомненно, к верхне-палеолитическому времени.

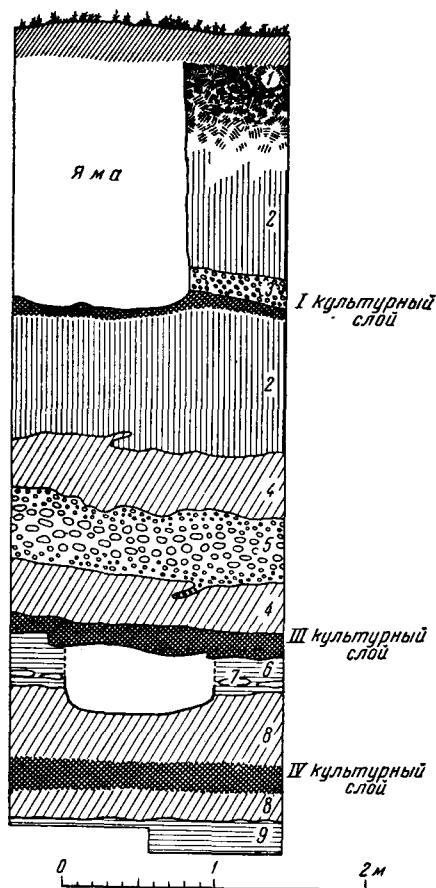

Рис. 1. Маркина гора (Костенки XIV). Схема геологических отложений второй надпойменной террасы балки Покровский лог на месте погребения: 1 — чернозем, 2 — лёссовидный суглинок с прослойкой мелкой меловой гальки (3), в основании которой находится первый (верхний) культурный слой; 4 — верхняя слоистая гумусовая толща, разделенная мощной прослойкой меловой гальки (5); в основании толщи залегает третий культурный слой; 6 — прослойка суглинка с линзами вулканического пепла (7), прорезанная гумусовой толщей, содержащая четвертый культурный слой; 9 — мергелистый суглинок.

Второй культурный слой стоянки отмечен лишь в 10 м к востоку от разреза в верхней части верхней гумусовой толщи

Совершенно такой же разрез со всеми перечисленными его слоями и с прослойкой вулканического пепла, разделяющей верхнюю и нижнюю гумусовые толщи, наблюдается на правобережном приустьевом мысу Покровского лога (Костенки XII), на второй надпойменной террасе в долине Дона между Покровским и Аносовым логами (Костенки XVII) и в Александровском логу на правобережном приустьевом мысу (Костенки VI). Во всех упомянутых пунктах имеются культурные слои, залегающие в нижней и в верхней гумусовых толщах. Почти на всех других памятниках второй надпойменной террасы, в том числе на Костенках I, на Тельманской, Городцовской и на других стоянках, отмечаются нижняя и верхняя гумусовые толщи, но разделяющей их прослойки вулканического пепла не наблюдается.

На Маркиной горе в западной части стоянки в 1953—1954 гг. было вырыто четыре небольших шурфа, 2×2 м каждый, и два небольших раскопа 10×5 и 5×5 м. Кроме того, в 1928 г. П. П. Ефименко в восточной части стоянки был вырыт шурф 3×1 м, в котором был обнаружен только верхний культурный слой. Таким образом, общая площадь раскопов и шурфов составляет меньше 100 м^2 , т. е. памятник остается

по существу только разведанным, но далеко еще не изученным. Глубоко залегающий четвертый культурный слой вскрыт в трех местах на общей площади всего лишь 13 м², при этом во всех трех пунктах имеются своеобразные находки.

Верхний культурный слой, известный здесь с 1928 г., представлен на всей площади стоянки отдельными костями мамонта, иногда образующими небольшие скопления, и отдельными расщепленными кремнями, очень редко имеющими вторичную обработку. В крайнем западном раскопе над погребением (5 × 5 м) в верхнем слое вместе со скребками был найден почти целый небольшой наконечник с боковой выемкой, близкий к таковым из верхнего слоя Костенок I.

Второй культурный слой, залегающий в верхней части верхней гумусовой толщи, отсутствует в раскопе над погребением, но имеется в 10 м к востоку от него. Он представлен мощным скоплением костей лошади и других животных, скоплениями красной и желтой краски с большим количеством расщепленного кремня и кварцита, кремневых и кварцитовых орудий, костяных шильев, иголок и обломков иных поделок с простейшим геометрическим орнаментом. Характерным для этого слоя является наличие большого количества концевых скребков, значительного количества мустьерского типа остроконечников и скребел и полное отсутствие резцов. Кремень здесь меловой, серый, близкий к деснинскому; на других памятниках в Костенках такой кремень не известен.

Третий культурный слой, залегающий в самом основании верхней гумусовой толщи в раскопе с погребением, насыщен значительно меньшим количеством осколков костей лошади и других животных, большим количеством расщепленного песчаника (розоватого шокшинского и светлого, кварцитообразного), относительно небольшим количеством черного кремня; имеются скребки, простейшие резцы и обломки стержней подчетыреугольной формы в сечении, вырезанные из рога оленя. Здесь, в отличие от второго слоя, нет ни одного орудия архаического типа. Слой исследован всего лишь на площади 20 м², залегает он на крутом склоне, местами имеет выраженную внутреннюю слоистость, но в то же время в 1 м от погребения, в основании культурного слоя, были расчищены остатки очага в виде скопления зольной массы, костных и древесных углей, обожженных кремней, залегающих в неглубокой очажной лунке с явными признаками покраснения (прокаливания) суглинка, подстилающего очажную массу. Могильная яма находится непосредственно под этим культурным слоем, мощность которого не превышала 20—25 см. Глубина ее от пола или основания культурного слоя 31—48 см. Могила прорезала прослойку бурого суглинка, содержащую линзы вулканического пепла, и врезалась отчасти в нижнюю гумусовую толщу.

Четвертый культурный слой, залегающий в средней части нижней гумусовой толщи на 0,5 м глубже дна могилы, содержал большое количество осколков костей лошади, небольшое количество расщепленного кремня и отдельные кремневые орудия верхнепалеолитического времени, в том числе типичный концевой скребок. Слой исследован всего лишь на площади 8 м². В средней его части, примерно под западным концом могилы, найдено небольшое скопление отдельных крупных древесных углей. Мощность горизонта находок не превышала 25 см.

Могила была обнаружена в разрезе шурфа, которым в совершенно ничтожной мере был поврежден лишь ее южный край, поэтому мы имели возможность тщательно изучить как заполнение могилы, так и покрывающие породы. Разумеется, особое внимание было уделено рассмотрению третьего культурного слоя, выше которого на его поверхности и в его основании не было каких-либо признаков могильной ямы.

Третий культурный слой, перекрывающий заполнение могилы, представлял собой линзы черного гумуса, насыщенные обильными остатками

обитания людей. Основание его или пол, состоящий из бурого суглинка, был неровным и на всей площади раскопа четко отделялся от насыщенного культурными остатками черного гумуса. На полу, круто падающем в соответствии с современным склоном местности (падение 10—12 см на 1 погонный метр), было расчищено большое количество своеобразных и однотипных по форме западин. Юго-западный край их, обращенный кверху склона, крутой, отвесный, чаще с подбоем или, точнее, с нависающим краем, противоположный же край, обращенный вниз по склону, совершенно не чувствовался, так как западины постепенно выполаживались и незаметно сливались с общим уровнем пола. Ширина таких западин, имеющих четкий дугообразный край, обращенный вверх по склону, от 50 до 90 см, глубина 10—30 см. Система размещения этих западин, их сдвоенная форма и заполнение вклинившейся в пол линзой культурного слоя свидетельствуют, несомненно, о естественной деформации культурного слоя. Но вместе с тем надо отметить, что близкую к ним форму имеет и обычная очажная лунка, сохранившая положение *in situ* и заполненная зольной массой, с признаками обожженности пода очага. Остатки очага располагаются в 1 м к северо-западу от могилы. Менее выраженные остатки такого же очага с разрушенными краями залегают рядом в 1 м к северу от могилы. Остатки зольной массы с костными и древесными углями наблюдались у стен раскопа к северо-востоку и к югу от могилы.

Верхняя часть заполнения могилы и ее северный край в верхней части были нарушены одной из западин описанного выше типа. Глубина западины 30 см и в области груди скелета она не достигала последнего всего лишь на 7—10 см. Заполнена она была черным гумусом, содержащим в большом количестве характерные для третьего культурного слоя находки. Западина была связана с гумусом непрерывностью культурного слоя, одинаково насыщенного культурными остатками от поверхности слоя до дна западины. Ширина западины составляла 80 см. На расстоянии 50 см к северу от круглого края западины, постепенно поднимавшееся вверх дно ее сливалось с достаточно круто падающим вниз по склону полом, или основанием третьего культурного слоя, в котором в этом месте была вторая такая же западина несколько меньших размеров, но с таким же заполнением.

После того как заполнение большой западины было вычищено (кстати, оно легко отделялось от суглинка, подстилавшего третий культурный слой), приступили к расчистке заполнения могильной ямы, которое ничем не отличалось от окружавшего суглинка. В нижней части оно было так же слегка гумусировано, как и нижняя гумусовая толща, в которую врезалось дно могилы. Однако в заполнении могилы не было линз вулканического пепла и во всей толще заполнения могилы встречались отдельные мелкие и мельчайшие осколки костей животных и отщепы кремня. Эти находки обнаруживались в результате тщательного просмотра заполнения могилы при помощи размыивания его на мелкой сетке с подачей воды по желобу из запруды. Кроме того, в заполнении могилы непосредственно над скелетом, в области груди был встречен позвонок зайца (?), а в противоположном восточном конце могилы вертикально торчащая суставом вниз лопатка зайца и конечная фаланга мамонта. В области таза были найдены три кремневых отщепы. Нужно отметить, что такие же находки имелись в большом количестве в третьем культурном слое, и ни одну из них мы не можем считать преднамеренно положенной в могилу. Об этом свидетельствуют условия их залегания во всей неповрежденной западиной толще заполнения могилы. При последующем контрольном вскапывании суглинка вокруг могилы мы убедились в отсутствии в нем каких-либо находок и в обилии линз вулканического пепла, залегавших примерно на уровне черепа. При зачистке стен могильной ямы линзы пепла были обнаружены почти всюду.

Могила имела правильную овальную форму. Корытообразное дно могилы было посыпано темнокрасной краской, что помогло точно установить ее план. Размер могилы 99×39 см, глубина от пола третьего культурного слоя в восточном конце 31 см, а в западном — 48 см. Ось длины могилы почти точно совпадала с линией восток — запад (рис. 2)⁷.

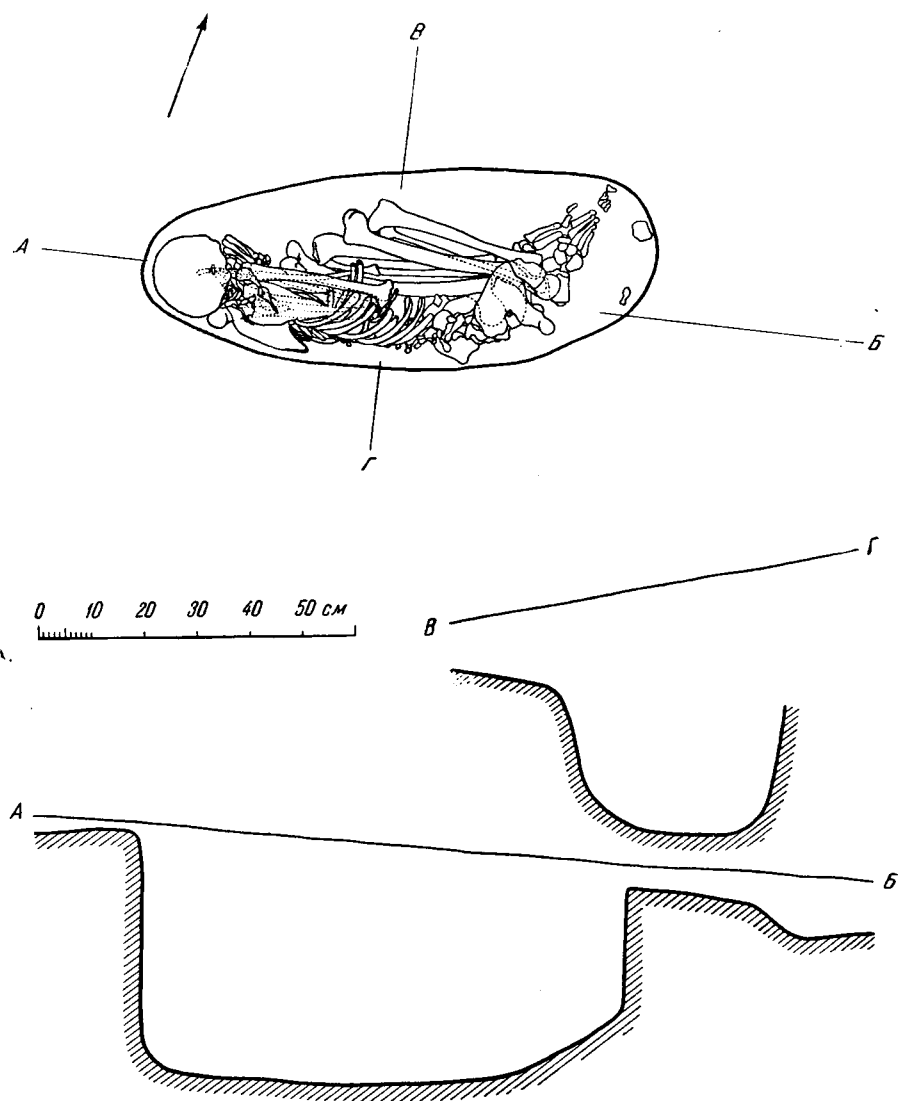

Рис. 2. Маркина Гора. План и профили могилы. Линии А — Б и В — Г над профилями обозначают верхнюю границу третьего культурного слоя

На дне могилы лежал скелет взрослого мужчины на левом боку, головой к западу, лицом к северу, при этом череп был значительно повернут лицевой частью вниз. Положение скелета сильно скорченное, с коленями, подтянутыми к груди, при этом локти находились между грудью и коленями. Ширина скелета от колен до позвоночника составляла всего лишь 28 см, что свидетельствует о погребении трупа в связанном состоянии. Кости кистей были сжаты в кулаки и находились —

⁷ В раскопках погребения приняли участие М. М. Герасимов, М. Г. Левян, Б. Ф. Порошинев, студенты Л. М. Тарасов, В. С. Щербаков, Т. Г. Шеколадова и работники Воронежского краеведческого музея Д. Д. Леонов и В. А. Афонюшкин.

левая между ветвями нижней челюсти под черепом, а правая у подбородка. Естественно вытянутые кости стоп лежали друг на друге и пятками плотно прилегали к тазу. Некоторые незначительные нарушения анатомического порядка в залегании костей объясняются условиями захоронения и положением скелета. Кости скелета и особенно череп со всех сторон окрашены темнокрасной охрой. Сохранность скелета очень хороша. Никаких вещей на дне могилы не было (рис. 3).

Рис. 3. Маркина гора. Скелет взрослого мужчины на дне могилы

Для датировки погребения существенным является решение вопроса о его отношении к третьему культурному слою. Небольшая площадь раскопа и отсутствие сопровождающего погребального инвентаря, наконец, недостаточная степень изученности в целом замечательного многослойного памятника Маркина гора не позволяют сделать определенный вывод. Наличие в заполнении могилы отдельных культурных остатков, принадлежность которых к третьему культурному слою является несомненной, не может, с нашей точки зрения, рассматриваться в качестве исчерпывающего доказательства связи погребения с перекрывающим его культурным слоем.

Необходим тщательный анализ как собранного, так и дополнительных материалов для вывода о погребении в жилище, в качестве остатков которого следует рассматривать третий культурный слой с сохранившимися в какой-то мере *in situ* остатками очагов. Тем более необходимо расширение раскопа для вывода о погребении на развалинах этого же жилища, остатки которого благодаря залеганию на крутом склоне подвергались загадочной пока для нас деформации. Предположение о совершении погребения до отложения третьего культурного слоя отвергается нами как совершенно невероятное. Невероятна и синхронность погребения со вторым слоем Маркиной горы.

Однако при любом решении этого вопроса погребение на Маркиной горе относится к ранней, но не самой древней поре верхнепалеолитического времени. Общая датировка погребения четко определяется условиями его залегания в определенных отложениях второй надпойменной террасы балки, имеющей полное сходство в строении со второй надпойменной террасой Дона. Погребение на Маркиной горе относится к боль-

шой группе памятников, характеризующихся залеганием в верхней гумусовой толще. Оно одновременно с погребением на Городцовской стоянке (Костенки XV), со II и III культурными слоями Тельманской стоянки.

Памятники предшествующей поры, близкие по времени четвертому слою Маркиной горы, залегающему непосредственно под погребением, тоже представлены значительной группой. К ним относятся нижний (четвертый) слой Тельманской стоянки и нижний (пятый) слой Костенок I. Существенно при этом отметить, что под прослойкой вулканического пепла на стоянке Костенки VI были найдены в нижней гумусовой толще тождественные пятому слою Костенок I двусторонне обработанные треугольные наконечники с вогнутым основанием. На Костенках XII в нижней гумусовой толще, тоже перекрытой прослойкой вулканического пепла, обнаружен сходный с пятым слоем Костенок I инвентарь. Таким образом, хотя в Костенках I и на Тельманской стоянке и нет прослойки вулканического пепла между нижней и верхней толщами погребенного гумуса, связь этих памятников с древнейшей группой является несомненной.

Наши суждения об относительной древности памятников Костенковской группы находятся в согласии с мнением подавляющего большинства комиссии Института истории материальной культуры АН СССР, выяснявшей в 1953 г. на месте вопрос об относительной древности памятников Костенковско-Боршевского района. Комиссия, отметив закономерное залегание двух толщ гумуса, разделенных в ряде мест прослойкой вулканического пепла, высказалась за признание стратиграфической значимости этих слоев правобережья Дона в районе Костенок.

Если придерживаться взглядов П. П. Ефименко на относительную древность памятников костенковской группы, то третий слой и погребение на Маркиной горе следует датировать раннетельманским временем⁸. Однако он ошибочно считает второй слой Тельманской стоянки древнейшим памятником на Русской равнине, где, по его мнению, памятники начальной поры верхнего палеолита еще не найдены. Действительно же более древний нижний слой Костенок I он относит к позднетельманскому времени, что является совершенно неприемлемым при современном состоянии изученности памятников этого района.

⁸ П. П. Ефименко, *Первобытное общество*, стр. 316.